

ДИАЛОГ КАК ФОРМА МЕЖСУБЪЕКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

А.А. Тарасова

Сибирский государственный
университет путей сообщения

Tree_a@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению основных черт диалога как формы межсубъектного взаимодействия с точки зрения его реализации на материально-практическом и теоретическом уровнях освоения действительности.

Ключевые слова: диалог, субъект, взаимодействие, связь, активность, наука.

В истории философской мысли определения диалога варьируются от характеристики его как метода поиска истины (Сократ), формы изложения философских идей (Платон, Н. Кузанский, Дж. Беркли), формы адогматического философствования (А.В. Шлегель, Ф.В. Шеллинг) до границы понятийного логического мышления (Э. Левинас), новой формы рациональности (М. Бахтин), процесса обмена сообщениями (БСЭ) и т. д. В данной статье диалог рассматривается с точки зрения философии диалогизма, возникшей в начале XX века и получившей свое развитие в работах М. Бубера, О. Розенштока-Хюсси, М.М. Бахтина, Ф. Розенцвейга, С.Л. Франка, Ф. Эбнера, А.П. Якубинского, К. Гарднера, М.С. Кагана, В.С. Библера, П.С. Гуревича, В.Л. Махлина, М.Е. Соболевой и др. Понимание диалога в этом направлении тесно связано с категориями «Субъект», «Я», «Другой» («Ты»), «между», «взаимость», «встреча», «обращенность», «со-бытие», «свобода», «равенство» и «взаимодействие». Так, например, в отличие от самодостаточного и трансцендентного «Я» (Субъекта) по отношению к Другому (пассивному объекту) в концепциях философов Нового времени или чуждого и опасного «не-Я» в фено-

менологии и экзистенциализме, в философии диалогизма акцент смещается в сторону ценности Другого (Ты) в качестве субъекта. Он рассматривается как равноправный, уникальный, свободный участник общения, происходит утверждение «Ты» как источника становления «Я»¹, когда минимум жизни, минимум бытия воспринимается как два голоса² – *Διάλογος*. В процессе развертывания диалога субъекты воздействуют друг на друга посредством имени, речи и языка (их онтологические функции акцентируются в работах основателей диалогизма), порождая взаимную обусловленность мыслей, реплик, действий, и находясь в постоянной взаимосвязи, т. е. взаимодействуют. В работах сторонников теории диалогизма диалог осуществляется не только во взаимодействии человека с человеком, но и с миром, Абсолютом (С.Л. Франк, М. Бубер, О. Розеншток-Хюсси), внутренним «Я» (В.С. Библер), художественным персонажем (М.М. Бахтин), автором произведения искусства (М.С. Каган), текстом (Х.-Г. Гадамер) и др. Наиболее полная клас-

¹ Бубер М. Я и Ты. – М.: Высшая школа, 1993. – С. 21.

² Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. – М.: Алконост, 1994. – С. 153.

сификация участников диалога, на наш взгляд, представлена в работах М.С. Кагана, который, рассматривая бинарную оппозицию «субъект–объект», доказал, что она может быть расширена следующими синтезированными формами: субъективированный объект, квазисубъект, квазиобъект и объективированный субъект³. Так, все возможные участники диалога могут быть представлены в виде пар: 1) субъект–субъект; 2) субъект–квазисубъект (второе «Я», воссоздаваемый памятью образ иного субъекта, художественный образ и образ самого художника⁴); 3) субъект–субъективированный объект (ценность); 4) субъект–объективированный субъект (культура). Основная характеристика связи между ними – межсубъектность – взаимосвязь, сознательно осуществляемая уникальными, активными носителями свободной деятельности.

Проблема диалогического взаимодействия субъекта и второго «Я» рассматривалась многими авторами: Н. Кузанским, Л. Фейербахом, А.А. Ухтомским, Ж. Пиаже, К.С. Станиславским и др. Мы будем опираться в дальнейшем на следующие положения:

1) второе, третье, ... *n*-е «Я» представляют собой интериоризированные формы существующих общественных субъектов;

2) внутренний диалог с другим «Я» вызывает изменения не только в субъекте, его другом «Я», но и в способе их взаимодействия с миром;

3) чем более полным является образ второго, ... *n*-го «Я», чем больше личностных характеристик он содержит, тем боль-

³ Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъективных отношений. – М.: Политиздат, 1988. С. 85–120.

⁴ Там же, с. 109–111, 236.

ший резонанс вызывает внутрисубъектная диалогическая связь (В.С. Библер);

4) диалог субъекта и его второго, ... *n*-го «Я», обладая целью самопостижения субъекта (И. Кант, М. Бубер) или «Я» (Л.С. Выготский), также направлен и на освоение (выработку) отличных от уже известных ему форм постижения внешней действительности.

Диалог с воссоздаваемым субъектом аналогичен с той разницей, что здесь ведущую роль в создании «собеседника» отводится памяти, а не воображению (А.А. Ухтомский), и результатом такого диалога является оценка субъекта отсутствующим «значимым Другим».

Если в первых двух случаях полнота образа квазисубъекта находится в прямой зависимости от силы памяти или воображения самого субъекта, то в случае с художественным образом его «жизненность» в большей степени детерминирована талантом автора. М.М. Бахтин так описывал героя Ф.М. Достоевского: «Самосознание героя ... в каждом моменте ... повернуто вовне, напряженно обращается к себе, к другому...заставить его самого раскрыться [можно] – лишь путем общения с ним, диалогически»⁵. Интенсивность диалогической связи в данном случае уже не всецело зависит от усилий субъекта (С.Х. Раппопорт).

Опосредованный художественным произведением, диалог автора (художника) и субъекта является связью наиболее полного «включения» в жизненный мир Другого: ведь автор обращается и раскрывается лично к тебе... «исповедует перед тобой и тем самым заслуживает ответного движения мысли»⁶.

⁵ Бахтин М.М. Указ. соч. – С. 153.

⁶ Каган М.С. Указ. соч. – С. 237.

В диалоге субъекта с субъективированным объектом последний может представлять собой вещь, а также растения, животных, природу в целом. В связи с этим необходимо ввести четкое различие между очеловечиванием (антропоморфизмом) и субъективацией, которая является основанием диалогической связи такого рода. Надеясь что-либо человеческими качествами, мы зачастую лишаем предмет его уникальности, применяем к нему систему «мерок», налагаем объяснительные «структуры», которые, описывая его проявления, не отражают его сути. Так происходит процесс познания другого через себя (что встречается, например, в мифологии). Процесс субъективирования является изучением, пониманием Другого через него самого и требует развития более сложных форм воззрения на мир.

Объективированный субъект в классификации М.С. Кагана представляет собой культуру – совокупность вынесенных за пределы индивидуального сознания результатов его деятельности⁷.

В ходе рассмотрения взаимодействующих пар возникает ряд вопросов: а) может ли «не-субъект» (квазисубъект, объективированный субъект, субъективированный объект) быть инициатором диалога; б) в чем проявляется его активность, сознательность и свобода деятельности и в) не является ли подобное взаимодействие псевдиалогом? Ответ на первый вопрос в настоящий момент возможен, пожалуй, только с позиции феноменологии, благодаря которой мы можем вернуться к моменту, когда впервые *услышали* внутренний голос, *увидели* «Мадонну», *почувствовали* «силу» океана и поразились мощи человеческого творения. Здесь сходятся мнения

⁷ Каган М.С. Указ. соч. – С. 117.

истории и теологии в лице А.Дж. Тойнби и М. Бубера: мир объектов «взывает» к нам, воздействует на нас, ожидая «ответа», и если «он не находит тебя...», то он исчезает; но он приходит снова в ином обличье⁸. Активность «не-субъекта» определяется как его способность к качественному преобразованию субъекта, сознательность его выражается в способности идеального отражения действительности, а свобода деятельности – в отсутствии зависимости раскрытия его сущностных сил от места и времени осуществления диалога. Так «предание, событие, традиция, по Гадамеру, есть не просто свершившееся, которое мы в процессе опыта учимся познавать; оно само с нами заговаривает, подобно некоему “Ты”»⁹. Вопрос о псевдиалогичности взаимодействия субъекта и «не-субъекта» также снимается пониманием того, что диалог – это всегда поиск иного, не существовавшего, доселе неизвестного, и недостаточная субъективация, предсказуемость, обыкновенность его участников означает простую невозможность подобной формы взаимодействия.

В философии диалогизма существуют различные определения основных черт диалога как формы межсубъектного взаимодействия, или общения. Мы считаем, что эти черты зависят от уровня освоения действительности: материально-практического и теоретического. Рассмотрение диалога и его свойств на духовно-практическом уровне представляется нам возможным в рамках написания отдельной статьи.

Материально-практическое общение характеризуется как взаимодействие участ-

⁸ Бубер М. Указ соч. – С. 23.

⁹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философ. герменевтики: пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 16.

ников совместного действия. Особенности такого общения мы назовем целенаправленность, детерминированность действиями партнеров, зависимость от объекта преобразования. Акцент здесь ставится на деятельности по преобразованию объекта и достигаемом результате; взаимодействие партнеров не всегда носит характер равноправных (субъект-субъектных) отношений. Так, совместное действие по преобразованию окружающего мира, когда один из участников общения выступает в качестве субъекта, а другой – объекта, (критика подобной позиции приводится М. Вебером и Ю. Хабермасом при разработке понятий стратегической и целевой рациональности¹⁰), определяется исследователями как управление и часто выделяется как единственный вариант взаимодействия партнеров на практическом уровне. Неправомомерность подобных суждений подтверждается существованием формы межсубъектного взаимодействия, при которой партнеры не просто ориентируются на действия друг друга и стремятся к их согласованности, но и не представляют достижения наилучшего результата вне сохранения свободного, инициативного и уникального поведения Другого (второго участника диалога, не-Я). Специфика материально-практического диалога предполагает соблюдение следующих условий: идентичное отношение участников диалога к предмету преобразований, совместное целеполагание и заинтересованность в достижении конкретного результата, непрерывный мониторинг за действиями Другого и объектом преобразования, ответственное изменение собственных действий.

¹⁰ Соболева М.Е. О возможности диалога между культурами. – М.: Вопросы философии, 2009. – № 3. – С. 148

Идентичное отношение участников диалога к предмету преобразований включает в себя две основные формы отношения: а) как к вещи, «Оно», бездушному материалу, ждущему прихода своего «господина» – объекту; б) как к существу, «Ты», живому миру, еще одному партнеру в деле достижения результата – субъекту.

Отличие между этими полярными позициями столь разительно, что взаимодействие на практике людей из разных «лагерей» вряд ли представляется возможным. Однако, рассматривая проблему диалога культур, В.С. Степин отмечает, что решения подобной проблемы лежат, во-первых, в области признания неэффективности господствующего отношения к объекту, во-вторых, в снижении роли силового воздействия и выдвигении на первый план принципов синергетики (Запад) с ее топологически верными «уколами» и у-вэй (Восток) с его минимальным вмешательством, а в-третьих, в усилении нравственного начала¹¹ – что служит доказательством эффективности отношения к объекту преобразования как к «Ты», т. е. субъекту. Последнее отражает продуктивность переноса диалогической формы общения не только на другого человека, но и на окружающую действительность в целом.

Совместное целеполагание означает формирование желаемого результата на уровне мысли в процессе взаимодействия совпадающих (различных) типов рациональности субъектов практической деятельности. Предпосылки диалогического общения здесь закладываются в процессе выработки общих представлений о масштабности полученного результата, скорости и эффективности способов его достижения. Схо-

¹¹ Степин В.С. Диалог культур в глобализирующемся мире. – М.: Наука, 2005. – С. 9–16.

жесть типов рациональности здесь играет скорее отрицательную роль, так как в случае с закрытым типом (деление введено В.С. Степиным¹²) она «держит» партнеров на уровне репродуктивного творчества и лишает масштабности поставленные цели; с открытым – может вести к бесконечному совершенствованию и развитию исходных целей в ущерб их реализации. На наш взгляд, более продуктивным здесь будет обогащающее несовпадение, при котором стремление к завершенности и цельности последующего результата дополнится масштабностью и актуальностью его применения. Таким образом, заинтересованность в уникальности партнера как в источнике новых видов, масштабов и способов достижения результата является одной из особенностей диалога в материально-практической сфере. Однако подобный диалог невозможен вне любого из указанных типов рациональности.

Непрерывный мониторинг и ответное изменение собственных действий ведет к формированию системы обратной связи – необходимого решения основных коммуникативных задач (Н. Винер), возникающих в процессе практической деятельности, к выделению наличия этой системы в качестве еще одной особенности диалогической формы взаимодействия.

Если реализация материально-практического диалога неразрывно связана с преобразованием окружающей действительности, то его развертывание на теоретическом уровне осуществляется в процессе преобразования представлений о мире в систему знаний, соответствующих критериям объективности, обоснованности, отражения сущности и выражения ее в понятиях. В ходе развертывания теоретиче-

ского диалога происходит комбинирование старых и рождение новых знаний, в свою очередь влияющих на практическую и духовно-практическую деятельность человека. Говоря о столкновении различных способов мышления, В. Гейзенберг отмечал, что в случае установления взаимодействия между ними можно будет надеяться на новые и интересные открытия¹³. В связи с этим особый интерес представляют и участники подобной формы взаимодействия, и характер устанавливаемых между ними связей. Основными действующими лицами в подобном случае помимо субъекта-ученого являются квазиобъект, квазисубъект, субъективированный объект и объективированный субъект. Любое исследование начинается с сопоставления существующего в мыслительном поле ученого образа изучаемого объекта, наполненного субъективными представлениями о нем (квазиобъект), с реальным объектом. В процессе ознакомления с данными результатов предыдущих исследований, выработки методологии и получения новых экспериментальных данных происходит переход от первоначальных субъективных представлений к выявлению существенных характеристик объекта, т. е. получению объективного знания о нем. Подчиняясь необходимости изучать его теми методами и способами, которые в наибольшей степени позволяют выявить его суть, мы признаем за ним право существования независимо от наших суждений, т. е. взаимодействуем с ним как с уникальным, активным и свободным субъектом. Поэтому мы можем говорить не о деструкции, во фроммовской терминологии подчинения,

¹³ Цит. по: Библер В.С. Мышление как творчество. Введение в логику мысленного диалога. – М.: Политиздат, 1975. – С. 6.

¹² Степин В.С. Указ. соч. – С. 96.

поглощения объекта¹⁴, а о продуктивном, творческом, творящем отношении к нему. Сила научного диалога здесь раскрывается в способности выводить предметы своего изучения из «тьмы» объектов в субъектный мир, расширяя монадологический ряд.

Характер связи субъект–субъективированный объект реализуется в научном диалоге в процессе рассмотрений окружающего мира с позиции, обозначенной А. Эйнштейном: «Господь Бог изощрен, но не злонамерен»¹⁵. В этом случае окружающая нас действительность воспринимается как равноправный участник взаимодействия, сложность получения объективной информации от которого обуславливается не его нежеланием или дезориентирующими действиями, а несовершенством наших способов вступления в диалог. Так, несмотря на общепринятые представления о субъект–объектном взаимодействии в науке, ведущим типом здесь будет именно субъект–субъектная, диалогическая связь.

Осуществление диалога на теоретическом уровне также невозможно без постоянного поддержания системы обратной связи. Задача ученого при том усложняется, поскольку для получения нового, приращенного научного знания необходимо постоянно находиться на пересечении нескольких каналов обратной связи (объект исследования, коллеги, научное сообщество в целом, а также внутренняя библиотечная «палата Ума») и непрерывно синтезировать поступающую по ним информацию. Но знание должно быть не только получено, но и выражено, зафиксировано

принятыми в науке способами и сохранено на существующих к моменту его получения информационных носителях. Так, возникают проблемы, отразившиеся в философской мысли 60–70-х годов XX века: проблема перехода от «установки на предмет» к «установке на текст» и проблема проекции полученных знаний «в сферу целевых установок, в сферу практической деятельности и самоизменения человека»¹⁶. На наш взгляд, обе они являются частными случаями иной проблемы: установки на Другого в качестве участника диалога. Вслед за О. Розенштоком-Хюсси, акцентировавшим внимание на необходимости диалога ученого специалиста и не-специалиста¹⁷, одним из решений названной проблемы нам видится именно диалогическая форма взаимодействия, потенциально несущая в себе возможность перехода к полилогу.

Таким образом, к основным свойствам диалога как формы межсубъектного взаимодействия на практическом и теоретическом уровне освоения действительности относятся следующие:

- 1) формирование способности к диалогу в процессе социализации;
- 2) сохранение уникальности, активности и свободы поведения его участников;
- 3) наличие субъект–субъектного взаимодействия;
- 4) более глубокое постижение действительности на каждом из уровней ее освоения;
- 5) опосредованность диалога системой обратной связи;
- 6) потенциальная возможность полилогического перехода.

¹⁶ Библер В.С. Указ. соч. – С. 362–364.

¹⁷ Розеншток-Хюсси О. Что есть человек?: в защиту неспециалиста / О. Розеншток-Хюсси // Язык рода человеческого. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – С. 77–88.

¹⁴ Фромм Э. Психоанализ и этика / Вступ. ст. П.С. Гуревич. – М.: Республика, 1993. – С. 14.

¹⁵ Цит. по: Винер Н. Творец и будущее // Кибернетика и общество. – М.: АСТ, 2003. – С. 38.

Литература

Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. – М.: Алконост, 1994. – 173 с.

Библер В.С. Мышление как творчество. Введение в логику мысленного диалога. – М.: Политиздат, 1975. – 399 с.

Бубер М. Я и Ты. – М.: Высшая школа, 1993. – 173 с.

Винер Н. Творец и будущее // Кибернетика и общество. – М.: АСТ, 2003. – 732 с.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъективных отношений. – М.: Политиздат, 1988. – 319 с.

Розеншток-Хюсси О. Что есть человек?: в защиту неспециалиста / О. Розеншток-Хюсси // Язык рода человеческого. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – С. 77–88.

Соболева М.Е. О возможности диалога между культурами. – М.: Вопросы философии. – 2009. № 3. – С. 147–157.

Степин В.С. Диалог культур в глобализирующемся мире. – М.: Наука, 2005. – 428 с.

Фромм Э. Психоанализ и этика / Вступ. ст. П.С. Гуревич. – М.: Республика, 1993. – 415 с.